

В.Г.Дидковская

КЛИПОВОЕ МЫШЛЕНИЕ: ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются некоторые изменения в современном русском языке и современных текстах, которые можно квалифицировать как проявление нового типа мышления.

Ключевые слова: клиповое мышление, клиповое сознание, минимизация языка, интернет-речь, заимствованные слова

Под воздействием телевидения, компьютерных игр, Интернета и даже современной литературы у значительной части молодежи формируется особый тип мышления — «клиповое». Это явление стало настолько ярким, что, по мнению К.Фрумкина [1], свидетельствует о фундаментальном цивилизационном сдвиге. Сам термин *клиповое мышление* в философско-психологической литературе появился еще в конце 90-х гг. XX в. и обозначал восприятие мира человеком посредством короткого, яркого посыла, воплощенного в форме либо видеоклипа (отсюда и название), либо теленовости [2]. Замечу, что само слово *клип* (из англ. «clip» — отсечение; вырезка (из газеты); отрывок (из фильма), нарезка) отсылает читателя к принципам построения музыкальных видеороликов, в которых видеоряд представляет собой слабо связанные между собой картинки, поэтому в определении *клиповое* присутствует не только семантика краткости, наглядности, но и отрывочности, фрагментарности. Ф.И.Гиренок, предложивший само обозначение *клиповое*, полагает, что понятийное мышление перестало играть важную роль в современном мире, постепенно уступая место новой форме, причем корни этого явления, по его мнению, надо искать в глубокой древности, т.к. они связаны с разными путями развития западноевропейской и русской культуры: «...Европейская культура выстраивается на системе доказательств. Русская культура, поскольку корни ее византийские, на системе показа. И мы в себе воспитали, может быть, после Дамаскина, понимание картинок. Мы формировали в себе не понятийное мышление, а, как я его называю, клиповое» [3].

Описательное обозначение *клиповое мышление* предполагает существование других типов мышления, которые традиционно подразделяются на вербальные и авербальные [4]. Как представляется, рассматриваемый тип более всего соотносится с такой формой авербального мышления, как редуцированное, поскольку характеризуется такими же свойствами фрагментарности, неразвитости (сокращенности), приблизительности и неточности (см. об этом, например, [2]). В этом отношении клиповое мышление, конечно же, не смертельно, но и не безвредно. «Несмертельность», а в известной степени и закономерность формирования клипового мышления, обусловлена тем, что оно, «становясь массовым явлением в современном обществе, является своеобразной защитой от информационных перегрузок, человек, испытывая потребность быстрого усвоения информации на разнообразные темы, не имеет другой альтернативы кроме восприятия по образцам». По выражению К.Фрумкина, клиповое мышление представляет собой вектор в развитии отношений человека с информацией, который возник не вчера и исчезнет не завтра. «Небезвредность» же этого типа мышления заключается прежде всего в том, что оно связано с ослаблением такого специфически человеческого вида деятельности, как передача информации средствами языка — словесной коммуникации. В условиях информационного взрыва язык становится «проявителем» процессов, связанных с сознанием и мышлением. Отвечая на вопрос, почему исследования языка и сознания так важны всегда и особенно в новых условиях, Т.В.Черниговская сказала: «Потому что мир для нас таков, каким его может до нас донести наш мозг. ...Я не хочу сказать, что все мышление вербально. Но наиболее сложные этапы мышления вербальны».

В работах, посвященных «новому когнитивному стилю», феномен клипового мышления анализируется как база для формирования клипового сознания. «Мир стоит на пороге клипового сознания», — утверждает в той же статье К.Фрумкин. Если иметь в виду, что сознание — высшая понятийная форма отражения человеком действительности и его отношения к отображаемому, что содержанием и способом существования сознания является знание, а мышление — это способ получения знания [5], то итоговым выводом должно стать (и уже стало в некоторых работах) положение о формировании особой клиповой картины мира. Но поскольку знание о мире закрепляется в языке и хранится с помощью языковых знаков как языковое знание, а картина мира объективируется для человека средствами языка как языковая картина мира, становится понятным интерес исследователей к функционированию языка в новых условиях, к языковым новациям, которые можно считать следствием и способом проявления «нового когнитивного стиля»: «<...> для нас мир таков, каким мы его способны воспринять и описать. Описать — значит воспользоваться языком. Каким языком пользуется человек познающий, такая картина мира сложится в его сознании» (Т.В.Черниговская).

Как язык реагирует на новый тип мышления, меняется ли он в современных условиях, его лексика, грамматика, орфография, пунктуация и т. д.? Можно ли уже выявить некие общие закономерности в этом плане? Общие тенденции изменений если не в самом современном языке, то в его функционировании описаны, например, в коллективном исследовании «Русский язык конца XX столетия (1985—1995)», в котором использованы наблюдения над текстами СМИ. Они суть следующие: резко расширяется состав участников

массовой коммуникации — новые слои населения приобщаются к роли пишущих в газеты и журналы (и к роли выступающих); резко ослабляются цензура и автоцензура. Возрастает личностное начало в речи, в связи с чем возрастает диалогичность общения, как устного, так и письменного. Меняются ситуации и жанры общения и в области публичной коммуникации — появляется много новых жанров в сфере массовой коммуникации — беседы, дискуссии, круглые столы, ток-шоу. Появляется стремление выработать новые средства выражения, новые формы образности; появляются новые слова-наименования и т.д. [6]. Названные факторы по-разному связаны с клиповостью современного мышления. Во всяком случае эта связь несомненно прослеживается между тенденцией к диалогизации общения и обновлению жанрового состава речевого общения и таким фактором, породившим новый тип мышления, как «рост демократии и диалогичности на разных уровнях социальной системы, переход риторики в диалектику и проповеди в дискуссию. Линейный текст — это монолог автора. Реплики собеседника разбивают текст на фрагменты» [1].

В современных психолингвистических и социолингвистических исследованиях чаще всего видят след клиповости мышления в примитивизации языка и соответственно картины мира, которые проявляются в минимализации языковых средств в письменной коммуникации. Это связано с тем, что клиповое мышление предъявляет к человеческому мышлению требование «быстрее, еще быстрее», оно не оставляет времени для сосредоточения и раздумий. «Нельзя думать и говорить одновременно. Клиповое сознание нас спрашивает: вы хотите думать? Пожалуйста, думайте, но думать — значит быстро думать. Вы хотите понимать? Ради бога. Но понимать — значит быстро понимать... Всё, что мешает быстро думать и быстро принимать решение, должно быть оставлено без внимания. Клиповое сознание — это монтаж. Быстроте мысли мешает увальень-язык. Клиповое мышление старается избежать встречи с языком, свести к минимуму его присутствие. Поэтому первый признак клипового мышления — это языковой минимализм» [7].

Минимизация языка прослеживается, например, в таком явлении, как экспансия числа. Как пишет М.Кронгауз, «в названии должно быть число. Это правильно, это мейнстрим. <...> За весь прошлый век я помню только одно название, целиком состоящее из года. Это знаменитый роман Оруэлла «1984». А в нашем только начавшемся веке уже появилось по крайней мере три романа русских авторов: «2008» С.Доренко, «2017» О.Славниковой и «2048» Мерси Шелли» [8]. Следует заметить, что дело здесь не только в названиях-числах — они использовались в литературе и ранее, а в том, что словесное обозначение числа заменяется цифровым, ср. «Двенадцать» и «12» (название фильма Н.Михалкова). Число в названии, таким образом, заменяет словесный текст (или его фрагмент), оно определенным образом интерпретируется: так, цифры 03 в названии спектакля «Доктор-шоу, или Кабаре-03» — это номер скорой помощи.

Редуцированность клипового мышления дает себя знать в стратегия понимания языка и даже мира, в котором мы живем. «И мир, и язык изменяются настолько быстро, что мы в принципе не можем понять все. Постоянное расширение границ языка и мира приучает нас к тому, что можно назвать “неполным пониманием”» [8, с. 293-294]. Причина этого явления заключается в том, что у современного читателя даже массовых изданий и массовой литературы нет времени (и привычки) на поиски ответов в словарях или в интернете толкований незнакомых слов, а такие слова пронизывают песни, статьи и современную повседневную речь. Что такое в популярной песне *камбэки* или что такое *фича* (из англ.), чем занимаются *коучеры* или *пруфридеры*, не сразу поймет даже человек, знающий английский язык.

Требования быстро думать и быстро понимать, сокращать объем словесного выражения относительно объема информации, предъявляемые новым когнитивным поведением, обусловило активизацию в современном русском языке способа образования сложных слов особого типа. Л.П.Крысин называет их словами-кентаврами [9], так как они состоят из разноязычных частей: TV-программа, PR-служба, PIN-код, SIM-карта, SMS-сообщение, WEB-адрес и др. В появлении таких единиц сказывается тенденция к экономии языковых средств, к «быстроте» языка: это более короткие названия соответствующих явлений — телевизионная программа, общественные отношения, персональный идентификационный номер и т.д. Большинство из них обозначает новые реалии, относящиеся к новым видам связи, новым информационным технологиям, к Интернету. Эти слова неоднородны по их месту и роли в современном русском языке: одни выбиваются из орфографической, графической, орфоэпической нормы и употребляются только в ограниченных специальных сферах общения, другие, изменившие свою первую часть, осваиваются носителями русского языка превращаются в обычные сложные слова. Более того, от них производятся русские слова, хотя и со специфической стилистической окраской разговорности: *сэмэска* от SMS, *сидишник* — в молодежной речи от CD — compact disk, *флэшка* от первой части термина — *флэш-карта* и др. Такие слова — свидетельство того, что язык не консервативен, он реагирует на изменяющуюся реальность — новые номинации и новые модели [9, с. 36].

Но самой актуальной и глобальной проблемой, связанной с формированием нового типа мышления, является проблема «человек и книга» или «человек и линейный текст». В цитированной статье К.Фрумкина приводится высказывание филолога, профессора РГГУ и Оксфордского университета: «Сегодня из многих источников идут сообщения, что человечество вступает в новую эпоху, что у молодого поколения фундаментально изменяется культура восприятия: ему не нужен линейный текст. По-видимому, сегодняшняя культура в принципе создает огромные проблемы для молодого человека в области восприятия вербальной культуры. Современным молодым людям трудно работать со словесными текстами. Я опять-таки не хочу восклицать: «Какой ужас!» — и рвать на себе волосы: современные молодые люди умеют массу всего такого, чего мы абсолютно не умели и о чем даже не подозревали». Эти новые отношения с текстом являются обратной

стороной клипового мышления: «Для стоящего на пороге мира клипового сознания даже комикс архаичен, представляя собой логичную линейную последовательность. Поэтому опасность для книги заключается не в электронном методе подачи информации, а в том, что теряется понимание, зачем, собственно говоря, нужна длительная последовательность в изложении мыслей, когда смысл можно уложить в не связанные между собой линейно кластеры. <...> Текст будущего — короткий и рубленый, вроде реплик в «ЖЖ» или «Твиттере» [1].

Таков, например, текст Л. Рубинштейна «Мама мыла раму»: «1. Мама мыла раму. 2. Папа купил телевизор. 3. Дул ветер. 4. Зою ужалила оса. 5. Саша Смирнов сломал ногу. 6. Боря Никитин разбил голову камнем. 7. Пошел дождь. 8. Брат дразнил брата. 9. Молоко убежало. 10. Первым словом было слово «колени». 11. Юра Степанов смастерил шалаш. 12. Юлия Михайловна была строгая. 13. Вова Андреев дрался. 14. Таня Чирикова — дура. 15. Жених Гали Фоминой — однорукий. 16. Сергею Александровичу провели телефон. 17. Инвалид сгорел в машине» и т.д.

Попутно отмечу, что в современном художественном тексте большую роль играют новые графические формы его представления, делящие его на куски, мало связанные между собой логически. Ярким примером является произведение Е. Попова «Мастер Хаос» с подзаголовком «Открытая мультиагентная литературная система с послесловием ученого человека». В тексте используется более десятка различных шрифтовых и текстовых выделений. Он состоит из текстовых фрагментов, содержащих перечисление имен и событий, фрагменты газетных публикаций разных лет, которые логически между собой не связаны. Это произведение предельно обнажает сущность клипового мышления — процесс отражения множества разнообразных свойств объектов, характеризующийся фрагментарностью информационного потока, алогичностью, полной разнородностью поступающей информации, высокой скоростью переключения между клипами информации, отсутствием целостной картины восприятия окружающего мира. По сути дела в нем, как и во многих постмодернистских текстах, прослеживаются две тенденции — они подробно анализируются в монографии И.С. Скоропановой — «имитация дискурса» и «стремление обойти язык» [10].

Определение «клиповое» в последнее время явно приобретает отрицательную коннотацию, однако сам факт формирования «нового когнитивного стиля» и его отражение в языке вполне закономерен и ожидаем. Как пишет М. Кронгауз, случилась гигантская перестройка языка под влиянием сложнейших социальных, технических перемен. «Выживает тот, кто успевает приспособиться. Русский язык успел, хотя для этого ему пришлось сильно измениться» [8, с. 29].

1. Фрумкин К.Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста [Электр. ресурс]. // Топос: литературно-философский ж-л. 2010. № 9. URL: <http://www.topos.ru/article/7371> (дата обращения: 14.08.2016).
2. Семеновских Т.В. «Клиповое мышление» — феномен современности [Электр. ресурс]. // Оптимальные коммуникации: эпистемический ресурс Академии медиаиндустрии и кафедры теории и практики общественной связности РГГУ. URL: <http://jarki.ru/wordpress/2013/02/18/3208/> (дата обращения: 14.08.2016).
3. Гиренок Ф.И. Антропологические конфигурации философии // Философия науки. Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. М.: ИФ РАН, 2002. С. 415-420.
4. Серебrenников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988. С. 196.
5. Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 114.
6. Русский язык конца XX века. М., 2000. С. 12-14.
7. Гиренок Ф. Клиповое мышление // Литературная газета. 2014. № 49. URL: <http://www.lgz.ru/article/-49-6490-10-12-2014/klipovoe-myshlenie/> (дата обращения: 14.08.2016).
8. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. 3D. М.: Астрель: CORPUS, 2012. С. 157.
9. Крысин Л.П. Слова-кентавры // Человек, язык, текст: К юбилею Т.В. Шмелевой. Великий Новгород, 2011. С. 28.
10. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. М.: Флинта: Наука, 2007. 608 с.

References

1. Frumkin K.G. Klipovoe myshlenie i sud'ba lineynogo teksta [Elektr. resurs]. // Topos: literaturno-filosofskiy zh-l. 2010. № 9. URL: <http://www.topos.ru/article/7371> (data obrashcheniya: 14.08.2016).
2. Semenovskikh T.V. «Klipovoe myshlenie» — fenomen sovremennosti [Elektr. resurs]. // Optimal'nye kommunikatsii: epistemicheskiy resurs Akademii mediaindustrii i kafedry teorii i praktiki obshchestvennoy svyaznosti RGGU. URL: <http://jarki.ru/wordpress/2013/02/18/3208/> (data obrashcheniya: 14.08.2016).
3. Girenok F.I. Antropologicheskie konfiguratsii filosofii // Filosofiya nauki. Vyp. 8: Sinergetika chelovekomernoy real'nosti. M.: IF RAN, 2002. S. 415-420.
4. Serebrennikov B.A. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i myshlenie. M.: Nauka, 1988. S. 196.
5. Alefirenko N.F. «Zhivoe» slovo: Problemy funktsional'noy leksikologii: monografiya. M.: Flinta: Nauka, 2009. S. 114.
6. Russkiy yazyk kontsa XX veka. M., 2000. S. 12-14.
7. Girenok F. Klipovoe myshlenie // Literaturnaya gazeta. 2014. № 49. URL: <http://www.lgz.ru/article/-49-6490-10-12-2014/klipovoe-myshlenie/> (data obrashcheniya: 14.08.2016).
8. Krongauz M. Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva. 3D. M.: Astrel': CORPUS, 2012. S. 157.
9. Krysin L.P. Slova-kentavry // Chelovek, yazyk, tekst: K yubileyu T.V. Shmelevoy. Velikiy Novgorod, 2011. S. 28.
10. Skoropanova I.S. Russkaya postmodernistskaya literatura. M.: Flinta: Nauka, 2007. 608 s.

Didkovskaya V.G. Clip mind: reflection in modern Russian and the text. In article some changes in modern Russian and modern texts which can be qualified as manifestation of new type of thinking are considered.

Keywords: clip thinking, clip consciousness, minimization of language, Internet speech, loan words

Сведения об авторе. В.Г.Дидковская — доктор филологических наук, профессор каф. русского языка ИГУМ НовГУ; roboda.49@ya.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.08.2016.